

РЕЦЕНЗИИ

РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ В РАССКАЗАХ ЕЕ ЖИТЕЛЕЙ ПОД РЕД. Л.Л. КАСАТКИНА. М.: АСТ-ПРЕСС, 2009. 512 с.

Коллектив диалектологов, в основном сотрудников Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, собрал в одной книге и опубликовал расшифровки магнитофонных записей рассказов 38 жителей различных русских деревень, добавив от себя лишь заголовки и самые необходимые пояснения местных слов и выражений, чтобы содержание текстов было понятно любому знающему русский язык читателю. Получилась книга, которая, безусловно, заслуживает того, чтобы с ней познакомилось как можно больше людей: лингвистов и историков, экономистов и юристов, психологов и культурологов, литераторов, литературоведов, людей ученых и просто думающих, горожан и жителей сельской местности. Одним она откроет мир, который всегда был рядом, но на существование которого они к стыду своему просто не обращали внимания; других заставит вновь пережить и, возможно, заново оценить события собственной жизни, судьбы родных и близких; специалисты найдут в ней потрясающие свидетельства участников подлинной истории России; для представителей многих наук, в том числе для лингвистов, эта книга – особый научный источник.

Общее содержание книги трудно передать точнее, чем это сделано ее заглавием: “Русская деревня в рассказах ее жителей”. Действительно, едва ли не все самые важные стороны жизни русской деревни XX века, ее беды и радости, обычаи и миропонимание, наиболее заметные события и привычный каждодневный труд, отношения между родственниками, односельчанами, действия властей и следствия этих действий, общие и индивидуальные судьбы – всё это отразилось в откровенных и совершенно бескорыстных рассказах пожилых сельчан. Хотя сборник, судя по всему, ориентирован на самый широкий круг читателей, это, конечно, издание научное, и одновременно это текст больших художественных достоинств, источником которых является яркая изобразительность, свойственная диалектной речи, и та достоверность подробностей, которую В.В. Набоков называл “живописной правдой жизни”, видя в ней первооснову искусства.

Книга наполнена таким объемом многообразной информации, что никакая рецензия не в

состоянии вместить даже небольшую часть тех размышлений, чувств, ассоциаций, которые возбуждает ее чтение, да и само слово “рецензия” кажется по отношению к ней слишком формальным и потому не вполне уместным. Историки, культурологи, социологи, философы не смогут, думается, пройти мимо представленной рассказами трагической судьбы русской деревни. Книга, несомненно, явится для них стимулом к глубокому анализу проблемы и вызовет множество неформальных откликов. Лингвисты получают в книге новый материал, позволяющий исследовать на тщательно зафиксированном большом текстовом пространстве функционирование диалектной речи, варьирование лексических, грамматических и других диалектных явлений в их соотношении с разговорными, просторечными и даже некоторыми литературно-книжными особенностями, проникающими в диалектное повествование. Мы же пока попытаемся здесь лишь определить черты современного научного и социокультурного контекста, в который оказалась вписанной “Русская деревня в рассказах ее жителей”, что представляется немаловажным для понимания ценности обсуждаемого издания.

В истории науки и, шире, в истории культуры мы нередко наблюдаем своеобразные схождения, когда между первоначально не связанными и как будто независимо друг от друга развивающимися явлениями, событиями, проектами, судьбами обнаруживается на каком-то этапе явное соответствие и становится ясным, что это соответствие не случайно, а внутренне обусловлено, что иначе и быть не могло, только до поры до времени эти связи, соответствия были незаметными, еще не схватывались нашим сознанием. В такие моменты возникает новое, более глубокое понимание явлений, формируется новое знание. Представляется, что публикация “Русской деревни в рассказах её жителей” отмечает собой именно такой важный момент схождения линий научного, культурного, социального поиска и связанное с ним более глубокое постижение реальности.

С этой точки зрения существенно, что проект “Русская деревня в рассказах ее жителей” возник не на пустом месте. Прежде всего он является закономерным продолжением тех тенденций,

которые характеризуют развитие современной науки о русских говорах. В последние полвека русская диалектология, как известно, постепенно двигалась по пути укрупнения объектов своих исследований и уделяла всё большее внимание строению предложения, высказывания, связной диалектной речи. К представлениям о таких давно известных особенностях диалектной речи, как ее принципиальная диалогичность, отсутствие в ней конструкции косвенной речи, изобразительность при передаче чужих высказываний, присоединилось знание о многих других ее свойствах, отчасти своеобразных, отчасти совпадающих со свойствами просторечия и русской литературно-разговорной речи. В результате в диалектологии, лингвокультурологии и этнолингвистике сложилось представление об обслуживаемой диалектом особой традиционной культуре общения и о диалектных текстах как главном воплощении “народно-речевой культуры” (см.: [1]). Тематика диалектологических исследований заметно расширилась за счет проблем антропоцентрического, этнолингвистического и лингвокультурологического характера, а в полевых исследованиях на первый план стала выдвигаться задача фиксации как можно более крупных массивов связной диалектной речи для последующего углубленного ее анализа.

Важными этапами движения в этом направлении явились подготовка в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН звуковых хрестоматий русских говоров (см., например: [2]) и особенно – создание коллективного труда [3], весьма близкого по целям и отчасти по содержанию “Русской деревне в рассказах ее жителей”. Диалектные тексты как относительно целостные (в смысловом и функциональном отношениях) речевые образования сделали сегодня главным источником создаваемых областных словарей, а осознание диалектологами особой научной ценности текстовых диалектных материалов нашло выражение в появлении специальных научных изданий подборок расшифрованных электронных записей текстов, представляющих те или иные говоры. Хорошим примером таких изданий может служить сборник [4], особенно интересный тем, что он включает десятки естественных диалогов между самими диалектоносителями, жителями с. Вершинино Томской обл. Едва ли случайно, что именно к концу XX в. русистика обогащается публикациями и больших собраний текстов устной литературно-разговорной и просторечной коммуникации, а также глубокими исследованиями, опирающимися на эти текстовые собрания (см., например: [5]), известные екатеринбургские

публикации текстов просторечной коммуникации и др.). “Русская деревня в рассказах ее жителей” выделяется в этом ряду составом рассказчиков, объемом материала, значительной протяженностью включенных в книгу повествований и их общей тематической направленностью: рассказчики излагают события своей жизни, раскрывают свою судьбу.

Важно отметить, что события жизни рассказчика – это не просто одна из возможных тем повествования на диалекте; это, как показывают исследования, основная и специфическая тематическая линия традиционной диалектной коммуникации. Дело в том, что общение в коммуникативной среде, обслуживаемой литературной и прежде всего литературно-книжной речью, способно избирать в качестве тем любые предметы, стороны, свойства, отношения и при этом сколь угодно глубоко конкретизировать их рассмотрение, предельно объективируя изложение. Необходимостью обеспечивать конкретизацию одних выделяемых элементов, сторон, свойств наблюдаемого мира обусловлена принципиальная возможность литературного изложения отвлекаться в каждом конкретном случае от всех других элементов целого, в том числе от наблюдателей или иных субъектов, участников этого целого. Диалектная коммуникация также способна конкретизировать любой из элементов содержания речи, но при этом она не отвлекается от субъектов ситуации или события, а как раз напротив, ставит их в центр рассказа и потому обычно сводит описание и рассуждение к повествованию о событиях. Иначе говоря, речь на диалекте тяготеет к событийности (см.: [6], она всегда сосредоточена на человеке (ср.: “Событие – со-бытие – наполняет собой бытие людей” [7]), и этим человеком преимущественно является сам рассказчик, а пределом конкретизации повествования выступает прямая речь участников передаваемых рассказчиком событий (см. [8]).

Рассказы, собранные в рассматриваемом издании, как нетрудно видеть, хорошо отражают это тематическое и композиционное (в широком смысле) своеобразие диалектной коммуникации. События с их субъектами и прямой речью участников, помещенные в центр повествования, неизбежно сообщают ему специфическую целостность, соответствующую целостности миропонимания носителей традиционной деревенской речевой культуры, поэтому рассказы сельчан о событиях их жизни дают большой материал для раскрытия самой сущности событийности и специфики осознания событий в традиционной культуре деревенской коммуникации. Это важ-

но не только для диалектологии и этнолингвистики, поскольку событийность моделирования действительности в культуре и индивидуальном сознании – одно из явлений, активно исследуемых сегодня многими научными дисциплинами. Историки, психологи, философы ищут объяснение того, почему люди выделяют в континууме жизни одни события и отодвигают в сторону или вовсе не замечают другие, как устроена память о событиях, на каких основаниях и какими способами членился история народа и жизненные пути отдельных личностей, как одно соотносится с другим, как люди идентифицируют события и говорят о них. При этом всё чаще материалом подобных исследований выступают рассказы не выдающихся, а как раз самых обычных людей о прожитой ими жизни, рассказы представителей "масс", народа (см., например, монографию [9], посвященную категории "жизненного пути" в русском языковом сознании; в приложении к монографии помещены расшифровки магнитофонных записей рассказов жителей Воркуты и Сыктывкара, подвергнутые анализу). "Русская деревня в рассказах ее жителей" – бесценный источник этого рода и, вне всяких сомнений, займет важное место в ряду становящихся все более значимыми культурных инициатив, получивших общее название "народные мемуары".

Этот ряд уже достаточно велик и неуклонно продолжает расти. С 1988 г. работает в Москве общественная организация Центр документации "Народный архив", собирающая в числе прочего исторические свидетельства людей, не ставших знаменитыми, о своей эпохе. Профессор Омского государственного университета Б.И. Осипов издает начиная с 1995 г. серию народных воспоминаний, часть из которых написана самими авторами, а часть зафиксирована исследователем с их голоса (см., например [10]). Музей Кижского озера обращается сегодня ко "всем желающим" с предложением принять участие в музейной программе "Народные мемуары", которая направлена, как говорится в обращении, "на сохранение народного знания, впитавшего в себя традиционную культуру". Воспоминания о прожитом и пережитом занимают все большее место в интернет-публикациях. Но среди других народных мемуаров "Русская деревня в рассказах ее жителей" – явление особое. Л.Л. Касаткин, инициатор, организатор и научный редактор издания, справедливо подчеркивает в предисловии к книге ее цельность и неординарность: "Ее авторы – не писатели, не ученые, они простые деревенские жители, некоторые из них даже писать и читать не умеют. Но все они – замечательные рассказчики, умею-

щие ярко и образно передать случаи из их жизни, представить ее без всяких прикрас такой, какой она была на протяжении большей части двадцатого столетия". И далее: "Эти рассказы, отражающие казалось бы незначительные, касающиеся отдельных людей случаи из их жизни, на самом деле – исторические документы событий, происходивших в нашей стране в XX веке" (с. 3).

Начиная с 60-х годов XX в. параллельно отмеченным выше изменениям в характере диалектологических исследований и независимо от них шло, как известно, становление корпусной лингвистики, прежде всего – в процессе создания лингвистических машинных фондов и перехода к разработке текстовых корпусов литературных языков. Была поставлена задача создания и Машинного фонда русского языка. Российские диалектологи сразу включились в эту работу (см.: [11, 12]). Вначале планировалось, что тексты в Машинном фонде русского языка будут выполнять иллюстративную функцию и соответственно этому войдут в особый Иллюстрационно-текстовый фонд (главная роль в машинном фонде отводилась программным средствам, грамматикам и словарям). Однако уже тогда в Саратовском университете была предпринята попытка создать (на основе программного пакета Ж.Г. Мошковица UNILEX) машиннообрабатываемый исследовательский корпус текстов одного говора – вологодского говора с. Мегра – в качестве особого научного источника (близкие по характеру проекты получили развитие в Томском и Сыктывкарском университетах). Использование даже небольшого мегорского текстового корпуса (в то время в нем было немногим более 22 тыс. текстоформ) выявило его богатый эвристический потенциал и позволило установить ряд новых фактов, относящихся к организации связной речи на диалекте (см.: [13; 14]). Сегодня корпусная лингвистика существует уже не только в качестве специфической системы источников и соответствующих программных инструментов, но и как особое понимание языка и речи, как особая лингвистическая идеология (см.: [15]), а в составе Национального корпуса русского языка с его постоянно совершенствующимся программным обеспечением строится большой диалектный текстовый корпус. Его концепция продолжает обсуждаться, и для ее формирования чрезвычайно важен опыт таких публикаций, как "Русская деревня в рассказах ее жителей", в частности – для определения оптимального уровня фонетической подробности расшифровок, рассчитанных на восприятие материала массовым пользователем (составителям сборника удалось достичь в этом относительного единства), для

решения вопроса об использовании в расшифрованных знаках пунктуации и, что еще важнее, – при решении вопроса о единицах хранения диалектологического корпуса и способах обеспечения его полноты и репрезентативности.

Совершенно очевидно значение материалов “Русской деревни в рассказах ее жителей” для активно ведущихся сейчас исследований языковой личности, для разысканий когнитивного и лингвокультурологического характера, для решения вопроса о специфике картины мира в сознании носителей диалекта... Перечень может быть продолжен, но главная проблема, к которой настоятельно обращают нас сборник и его материалы – это проблема судьбы традиционной русской деревенской культуры, русской деревни, ее жителей и ценнейшего культурного достояния России – русской диалектной речи. Здесь сходятся, пересекаются те научные, культурные, социальные линии, о которых говорилось выше. Филологи не в состоянии непосредственно влиять на социально-экономические обстоятельства и обусловленные ими демографические и культурные процессы жизни современного села, но в их силах бороться против однобокой культурно-языковой политики, в их силах не только проповедовать толерантное отношение к народно-речевой культуре, но и учить людей гордиться причастностью к этой замечательной культуре, побуждать их интересоваться ею, стараться поддержать, сохранить ее для себя и следующих поколений. Это, конечно, делается (см., например: [16–20] и др.). Издания же типа “Русской деревни в рассказах ее жителей” делают эту совершенно необходимую работу особым, самым простым и наиболее действенным образом: представленной в них самой диалектной речью.

В.Е. Гольдин

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстой Н.И. Язык и народная культура. М., 1995.
2. Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие. М., 1999.
3. Русские старообрядцы: язык, культура, история: Сб. статей к XIV Международному съезду славистов. М., 2008.
4. Иванцова Е.В. Живая речь русских старожилов Сибири. Сборник текстов. Томск, 2007.
5. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999.
6. Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю. Текст и знание в диалектной коммуникации // Материалы и исследования по русской диалектологии. Кн. 3 (9). М., 2008.
7. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
8. Гольдин В.Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология. Журналистика. 2009. № 1.
9. Сергиева Н.С. Пространство и время жизненного пути в русском языковом сознании. СПб., 2009.
10. Воспоминания работницы М.Н. Колтаковой “Как я прожила жизнь”. Омск, 1997.
11. Машинный фонд русского языка: идеи и суждения. М., 1986.
12. Андриященко В.М. Машинный фонд русского языка: интеграционный подход. М., 1989.
13. Гольдин В.Е. Машиннообработываемые корпуса диалектных текстов и проблема типологии русской речи // Русистика сегодня. 1995. № 3.
14. Крючкова О.Ю., Медведева Т.Н., Цепова С.П. Изучение служебных частей речи на основе диалектологического текстового машинного фонда // Русистика сегодня, 1995, № 4.
15. Плунгян В.А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008, № 2(16).
16. Язык русской деревни: Школьный диалектологический атлас. М., 1994.
17. Касаткин Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник истории русского языка. М., 1999.
18. Русская диалектология: Учебник для студентов филологических факультетов высших учебных заведений / Под ред. Л.Л. Касаткина. М., 2005.
19. Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е. Мультимедийный диалектологический корпус – важнейший ресурс сохранения и изучения народно-речевой культуры // Повестка дня для России: Аналитические материалы Фонда “Единство во имя России” за 2007–2008 годы. М., 2009.
20. Крючкова О.Ю., Гольдин В.Е. Русские народные говоры как национальное богатство и необходимость новой культурно-языковой политики в России // Инновационная Россия: Сб. работ лауреатов и дипломантов Всероссийского конкурса интеллектуальных проектов “Держава”. М., 2010.